

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-990-1002
УДК 81:82-7

Научная статья / Research article

Ирония как культурный и языковой феномен

А.А. Горностаева

Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, г. Москва, Российская Федерация, 119034
anngornostaeva@yandex.ru

В центре внимания статьи — ирония как многоплановое явление, находящееся на стыке нескольких наук: истории, философии, культурологии, литературоведения, лингвистики и т.д. Автор анализирует различные точки зрения на порождение и интерпретацию иронии, отмечает развитие и изменение понимания этого феномена с течением времени. Ирония рассматривается как культурно-исторический и как языковой феномен. Ирония существует в кругу смежных явлений — юмора, сатиры, сарказма, шутки, анекдота, имеет с ними общую область пересечения, и в то же время отличается собственными специфическими характеристиками. В статье подчеркивается, что ирония не существует вне языка и функционирует на разных уровнях: как высказывание, как речевой акт и как речевой жанр. Цель статьи — проанализировать закономерности функционирования иронии в дискурсе и определить условия эффективности иронического общения. Автор приходит к выводу, что ирония, как категория дискурса, является совместным продуктом говорящего и слушающего; для успешного иронического речевого акта необходима соответствующая культурно-социальная, а также психологическая обстановка. Обширная теоретическая база статьи представляет собой синтез классических работ по теории комического и трудов современных ученых в области изучения иронии.

Ключевые слова: ирония, история, философия, комическое, язык, дискурс

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.06.2019

Для цитирования:

Горностаева А.А. Ирония как культурный и языковой феномен // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 990—1002. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-990-1002

© Горностаева А.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 81:82-7

Irony as a Cultural and Language Phenomenon

Anna A. Gornostaeva

Moscow State Linguistic University
38, Ostozhenka str., Moscow, Russian Federation 119034
anngornostaeva@yandex.ru

The article focuses on irony as a multilateral phenomenon, which is the subject of many spheres: history, philosophy, culture, literature, linguistics etc. Different views on irony's production and interpretation, as well as its development in history, are analyzed. Irony is viewed as a historic and cultural phenomenon, as well as a linguistic one. Irony exists in the sphere of other phenomena — humour, satire, sarcasm, joke etc. These notions are interrelated, they have something in common, yet irony has its own characteristics and peculiarities. It is stated that irony and language are inseparable, irony can function as an utterance, as a speech act and as a speech genre. The aim of the article is to analyze the characteristics of irony in discourse and to determine the conditions of efficient ironic communication. The author argues that irony as a discourse category is a common product of both the speaker and the recipient. Thus, to be effective, an ironic speech act needs proper cultural, social and psychological atmosphere. Theoretical basis is represented by both classical works on the nature of the comic, and contemporary research on irony.

Key words: irony, history, philosophy, comic, language, discourse

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.06.2019

For citation:

Gornostaeva A.A. (2019). Irony as a Cultural and Language Phenomenon. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 990—1002. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-990-1002

Введение

С античных времен и до современности ирония являлась феноменом, вызывающим интерес и неоднозначность толкования. Ирония принадлежит и науке, и культуре, а также представляет собой идеологию, способ восприятия действительности. В то же время она неотделима от языка и человека. Ирония рассматривается как философская, эстетическая, мировоззренческая, психолингвистическая, антропоцентрическая категория.

Целью данной статьи является проанализировать место иронии с точки зрения культурного, исторического, психологического и лингвистического аспектов, а также описать ее как категорию дискурса, обладающую собственными характеристиками и особенностями.

1. Феномен иронии и его различные толкования

Ирония является предметом изучения лингвистов, философов, культурологов, социологов. Подходы к ее осмыслению отличаются многообразием и разноплановостью. Ирония рассматривается с точки зрения философско-эстетического, литературного, лингвистического подхода; она существует не только в литературном языке, а в пространстве интертекстуальности. Ирония тотальна и повсеместна: она присутствует в межличностной коммуникации, искусстве, журналистике,

рекламе, политике, науке и, в целом, практически во всех областях культурного взаимодействия. Само слово «ирония» имеет значения, выходящие далеко за пределы понятия фигур речи; ее определяют как «настроение, оглядывающее все с высоты и бесконечно возвышающее над всем обусловленным, в том числе и над собственным искусством, добродетелью или гениальностью» [1. С. 283].

Понимание иронии постоянно меняется с течением времени; она по-разному толкуется представителями не только разных культур, но и внутри одной культуры, ее по-разному представляют себе ученые и люди, не относящиеся к науке. Ирония непременно нуждается в некоем фоне (так называемое «эхо»), подкрепляющем ее: мнении, норме, мысли или высказывании, с которыми она ассоциируется (“irony necessarily needs an opinion, norm, thought or utterance (called *echo*) to which a dissociative attitude is held” [2. С.100]). Иронию называют явлением «невывысказанного понимания» (“a matter of unspoken understandings”) и явлением «идеологической сложности», то есть основанным на общем понимании устройства мира: “a matter of ‘ideological complicity’—an agreement based on shared understandings of ‘how the world is’” [3. С. 19].

Характеристиками иронии являются ее неоднозначность, обуславливающая широкий спектр ее понимания и толкования (от тонкой насмешки, выраженной в скрытой форме, антифразиса, до способа мировоззрения [4]) и многообразие ее видов — вербальная, ситуативная, структурная, космическая, ирония судьбы и т.д.: “verbal and structural ironies, ... situational irony, cosmic irony, the irony of fate, and so on” [5. С. 3]. Это определяет выбор подхода для анализа той или иной ее разновидности.

В лингвистике существуют риторико-стилистический, структуральный и прагматический подход, последний из которых рассматривает иронию в аспекте теории речевой деятельности, в аспекте речевых актов, максим и принципа кооперации. Поскольку ирония является сегментным концептом, в ней выделяют три сегмента: философско-эстетическая (мировоззренческая) ирония, литературоведческая (как часть комического) и стилистическая ирония. В рамках литературоведческой иронии выделяются две крупные разновидности: ирония как стилистический прием (ироническая насмешка) и ирония как эффект, производимый на читателя (или зрителя, так как данный тип иронии часто встречается в драматических произведениях) [6]. Отсюда следует разница в определении терминов: «Подход к иронии как к способу мировосприятия подвел и литературоведов, и лингвистов к необходимости разграничения двух понятий: ирония как средство, техника, стилистический прием и ирония как результат — иронический смысл, созданный рядом разноуровневых средств языка» [6. С. 16].

Ироническое взаимодействие между собеседниками и правильная интерпретация иронии очень важны для успешной коммуникации. Ирония служит своеобразным фильтром для выявления «своих», то есть тех, кто понимает смысл сказанного. Таким образом ирония делит слушателей на целевую аудиторию и «жертвы», провоцируя эмоциональную реакцию и у первых, и у вторых: “irony has an evaluative edge and manages to provoke emotional responses in those who “get” it and those who don’t, as well as in its targets and in what some people call its “victims” [5. С. 2].

Правильное толкование иронии может сблизить собеседников, создать эффект «причастности», обеспечить комфортную и плодотворную коммуникацию. Неправильно использованная, непонятая или неуместная ирония, напротив, приводит к разрушению понимания, ухудшению межличностных отношений. Иначе говоря, понимание иронии «ведет либо к хаотизации, либо к гармонизации общения» [4. С. 179].

Многоплановая природа иронии, разнообразие ее видов и широта ее трактовки связывает иронию со многими областями жизни, науки и явлениями языка.

2. Ирония и ложь

Существует мнение, что ирония — это разновидность лжи, так как говорящий высказывает нечто противоположное тому, что думает, следовательно, говорит неправду. Такое понимание имеет историческую основу и отражено в этимологии: в древнегреческом языке «иронизировать» означало «говорить ложь», «насмехаться», «притворяться». Ряд авторов предлагает объединить иронию и ложь на том основании, что они изначально не присутствовали в языке, то есть не являлись информационными техниками человека. Человек сам учится лжи, точно так же он постигает механизмы иронии. Изучение языка лжи представляет собой отдельное научное исследование [7], в котором доказывается, что вранье, обман не всегда деструктивны. Зачастую ложь, как и ирония, является инструментом манипулирования мнением собеседника, что сближает эти понятия.

Многие исследователи обращали внимание на связь иронии с намеренной неискренностью [8—11]. В частности, отмечалась обманчивая природа иронии (“the deceitful nature of irony”) и утверждалось, что «косвенность иронии является щитом, маскирующим истинное намерение, которое может расцениваться говорящим как рискованное» (“Irony’s indirectness acts as a shield which masks a genuine intent deemed risky by the speaker”) [12. С. 165].

Тем не менее, между иронией и ложью существуют явные различия. Ложь в большинстве случаев имеет корыстную цель и прячется под маской истины [13. С. 16]; ирония же, явная или неявная, рассчитана на понимание собеседником скрытого смысла — без этого ироническое высказывание теряет свое значение. Отмечено, что в отличие от простого обмана ирония предстает как бы в двойной экспозиции, когда утверждение и снимающее его отрицание выражаются явно [14]. Ирония, в отличие от лжи, не имеет намерения стать правдой, а передает сигнал о намеренной неискренности автора иронического высказывания.

Таким образом, основное различие между иронией и ложью заключено в коммуникативном намерении говорящего: цель лжеца всегда лежит вне высказывания, в то время как ироническая фраза, в которой притворство говорящего очевидно, выражает реальное отношения к объекту иронии.

3. Ирония и философия

Понятие иронии имеет в философии и эстетике самостоятельный статус и обладает возможностью проявления практически в любой форме человеческой деятельности. Связь иронии и философии весьма тесна. Не случайно ирония как жанр появилась именно в эпоху расцвета древнегреческой философии, которая представляла собой способ отношения к окружающей действительности и внутреннему

миру человека. В то время зародился метод, называемый Сократовой иронией (стратегия притворства несведущим в каком-либо вопросе с целью заставить противника пуститься в объяснения, чтобы потом развенчать их), который существует и в настоящее время. В древнеримской риторике, начиная со времен Цицерона, ирония широко использовалась в политических спорах как средство дискредитации противника. В разные периоды истории тот или иной вид иронии занимал главенствующее положение: так, у Гомера преобладала трагическая ирония, у Вольтера — насмешливая, у романтиков — ирония разочарования, у Ницше — ирония нигилизма и пессимизма.

Ученые современности подчеркивают неразрывную связь иронии, философии, культуры, эстетики и искусства. Исследователи иронии как философской категории указывают на то, что современное философствование становится все более ироничным. Многие философские концепции, созданные на рубеже XX—XXI вв., содержат комическую, юмористическую или саркастическую иронию. К изучению иронии существуют различные подходы: исторический [15—19]; философско-мировоззренческий [20; 8]; общий эстетический [21; 22]; комический [6; 23—25] и др.

Иронию выделяют как философскую категорию романтической эстетики и как троп [26. С. 223]; как самостоятельный род искусства, не относящийся ни к эпосу, ни к лирике, ни к драме, но своеобразно объединяющий их особенности (и это надо отличать от случаев, когда словом «ирония» обозначают один из оттенков смеха) [23. С. 106]. Ее рассматривают в разных философских аспектах — как эстетическую, нравственную категорию, как форму комического; в целом, как феномен культуры, «служащий для обозначения эмоционально-ценностного отношения, которое, будучи видом комического, характеризуется трехплановой структурой при относительной равноценности этих планов, амбивалентностью, возможностью двунаправленности (интровертной и экстравертной) и особым характером выражения» [8. С. 44]. Ирония — особый эстетический способ рефлексии, который представляет собой уникальную идейно-эмоциональную оценку и эстетическое отношение между субъектом (ироником) и объектом (окружающей действительностью). Рефлексивность (то есть деятельность субъекта по оценке объектов, включая самого себя, их значения и степени удовлетворения социальных потребностей) отмечалась в тесной связи с иронией еще несколько десятилетий назад такими учеными, как: А.Ф. Лосев [17], С.Л. Рубинштейн [27], Е.В. Золотухина-Аболина [28]. Современные исследователи, развивая теорию Грайса об имплицатуре, подчеркивают зависимость иронии от оценочного отношения говорящего к предмету: “Irony relies on the speaker’s expression of his/her evaluative belief at the level of Grice’s what is said or implicated” [29].

В силу двуплановости иронии рассудок и воображение оказываются в постоянном состоянии игры. Ирония заставляет переосмыслить символы и ценности культуры, подразумевает обыгрывание смыслов, интерпретацию и импровизацию. Ироническое отношение является связующим звеном между трагическим и комическим, а также противоположностью возвышенного и патетического. В рамках философского смысла ирония представляет собой способ сопряжения культуры, в которой происходит перманентная переоценка ценностей, и ментальности, которая пребывает в состоянии постоянного недоверия [14].

Таким образом, ирония, являясь феноменом философии и культуры, также представляет собой способ мировоззрения, именно через нее самоактуализируется иронизирующая личность. Человек, как языковая личность и как носитель определенной лингвокультуры, является отправной точкой изучения иронии с точки зрения философии.

4. Ирония и комическое

Категория комического обширна и неоднородна: она находится в связи со смежными логико-философскими категориями и является предметом изучения философов, литературоведов и филологов. Ее основные особенности изложены в трудах Ю.Б. Борева [23], Б. Дземидока [30], В.Я. Проппа [25], С.И. Походни [6], В.М. Пивоева [8], S. Attardo [31] и др.

Термин «комическое» неразрывно связан с понятием «смех». Смех, по наблюдениям исследователей, осуществляется при наличии двух величин: смешного объекта и смеющегося субъекта — человека [25]. В XIX—XX вв. изучение объекта и субъекта было строго разграничено: комический объект анализировался в трудах по эстетике, смеющийся субъект — в трудах по психологии. Тем не менее, комизм определяется не тем и не другим в отдельности, а воздействием объективных данных на человека.

Характер и предназначение смеха могут варьироваться. По мнению теоретиков комического [20], смех — это проявление неосознанного желания унижить противника и тем самым откорректировать его поведение. Ряд исследователей подчеркивает суть смеха как стремление достичь удовольствия [32], направленность смеха против всего, что считается святым, благочестивым, почетным [33], а также его мудрое начало, поскольку смех — «общечеловеческая способность воспринимать мир во всем сплетении его светлых и темных сторон» [34. С. 246]. В целом комический эффект несет в себе положительный смысл: он способствует повышению настроения и отвлечению от насущных проблем.

Комическое, в отличие от трагического и драматического, не универсально, оно существует в конкретной ситуации — общественной и культурно-исторической: “The tragic (and the dramatic) — it is said — are universal. The comic, on the other hand, seems bound to its time, society, cultural anthropology” [35. С. 62]. Для понимания комического необходимо иметь представление о ситуации, ее культурно-исторических и национальных предпосылках.

В природе комического присутствует расхождение объективных свойств предмета и его нормы, имеющейся в нашем сознании [30]; также имеется противоречие между должным и несоответствующим ему [25]; отмечается важность фактора неожиданности при восприятии словесных форм комизма [36]. Пониманию комизма во многом способствуют коммуникативные ожидания, эмоциональный фон, интеллектуальная готовность к мгновенному изменению фокуса внимания. Выделяется общее свойство, которое применимо к любой форме комического: это контрастное несоответствие или отклонение от нормы, обуславливающее возникновение комического эффекта.

Таким образом, комизм — это сочетание причины (смешной объект) и следствия (восприятие этого объекта реципиентом с юмористической точки зрения,

которое обусловлено посредством включения определенных механизмов понимания).

Категория комического неоднородна. Во многих случаях для различия между эстетической («высшей») категорией комического и внеэстетической («низшей») используется разная терминология. В одних случаях говорят о «комическом», в других — о «смешном», хотя существует мнение, что целесообразно не различать эти понятия, а объединить «комическое» и «смешное» под одним термином и понятием — «комизм» [25]. Это не значит, что «комизм» есть нечто совершенно единообразное. Разные виды комизма ведут к разным видам смеха.

Следует заметить, связь между комическим объектом и смеющимся человеком не обязательна и не закономерна. То, что вызывает смех у одного человека, совсем не покажется смешным другому. То же можно сказать и об иронии: ироничная, в понимании некоего реципиента, фраза, может быть воспринята другим адресатом как далекая от иронии.

Причина этого может крыться в условиях исторического, социального, национального и личного характера. Каждая эпоха, каждый народ и каждый человек обладает особым, специфическим для них чувством юмора и способностью воспринимать и интерпретировать иронию и юмор.

Таким образом, ирония — это сложное явление, которое обладает этнокультурной спецификой, опирается на всю когнитивную базу человека, имеющего определенную культурную и языковую картину мира. Восприятие иронии зависит и от культурно-исторических, и от индивидуально-психологических условий, включая черты личности, ее опыт и ценностные ориентации, а также от структурно-коммуникативных особенностей конкретного иронического высказывания и ситуации его употребления.

5. Ирония и язык

Одним из важных вопросов в изучении иронии является принадлежность ее языку. Мнение об иронии как о самостоятельной категории основано на том, что она функционирует в специфической ситуации с опорой на когнитивные структуры участников и, не являясь единицей системы языка, реализуется преимущественно с использованием языкового кода. Сигналом иронии для реципиента является контекстуальная неуместность сообщаемого. Подобный подход представляется не вполне правомерным, поскольку ирония — не просто фрагмент объективного мира в виде иронической ситуации, а языковое явление.

Связь иронии и языка неразрывна, ирония выражается языковыми средствами. Большинство исследователей справедливо считают иронию одним из важных атрибутов речевого поведения, зависящим от соблюдения или нарушения этических норм, от специфики ситуации общения, от отношений участников коммуникации: О.П. Ермакова [13], В.М. Пивоев [8], Ю.М. Скребнев [37, 38], К.М. Шилихина [39], L. Alba-Juez [40], S. Attardo [31], L. Hutcheon [5] и др.

Ирония — явление прагматического уровня. Существуют разные взгляды на механизмы ее порождения, восприятия и интерпретации. Ирония может существовать на уровне высказывания (без учета реакции собеседника); на уровне речевого акта (с учетом действий реципиента по восприятию иронии); если рече-

вой акт рассматривается совместно с ответной репликой, правомерно говорить об ироническом речевом жанре.

Поскольку ирония является нарушением контекстуального соответствия, нарушением искренности, культурных норм и не соответствует ожиданиям собеседника [31], ирония часто характеризуется как притворство, неискренность (о сходстве иронии и лжи уже говорилось). Некоторые говорят о переворачивании смысла либо о его отрицании, на которое накладывается в зависимости от контекста дополнительный смысловой компонент [41]. Иронию определяют как намеренную передачу неискренности по отношению к иллокутивному акту, что ставит на центральное место понятие намерения говорящего, или авторской интенции.

Термин «ироническая игра» наиболее точно передает суть явления, которое включает в себя действия коммуникантов по порождению, передаче и восприятию иронического смысла. Условия успешности иронической игры определяют успешность иронии на интеракционном уровне. Эти правила охватывают требования иронической подготовленности коммуникантов, пригодности обстоятельств для проведения иронической игры. В условиях, благоприятных для иронической игры, понимание иронии — больше, чем понимание смысла высказывания; оно интегрирует в себе различные виды информации из социального контекста, включая события, убеждения и эмоции говорящего, а также паралингвистические факторы, например, выражение лица (“Comprehension of irony ... goes beyond literal understanding, integrating various types of information from the social context, including events, the speaker’s beliefs and emotional attitudes, and paralinguistic cues such as facial expression” [2. С. 102]).

Ироническая игра может обернуться неудачей в не подходящей для нее ситуации: могут возникнуть различные типы негативных последствий — отказ адресата от участия в ироническом общении, игнорирование ограничений, налагаемых обществом на использование иронии, стилевые и жанровые ошибки. Коммуникативные сложности могут быть вызваны невнимательностью или волнением адресата, неожиданностью и неприемлемостью иронии в данных обстоятельствах. Важно помнить, что в самой сути иронического общения заложена необходимость активного интеллектуального контакта его участников. Следует добавить также значимость психологического контакта.

По определению исследователей, ирония «случается» в пространстве между высказанным и невысказанным; “happens in the space between (and including) the said and the unsaid; it needs both to happen” [5]. Связь между этими двумя компонентами и порождает иронический смысл, который должен понять адресат.

Дискурс протекает согласно определенной стратегии коммуникативного поведения. Отклонения от «типичных» дискурсивных действий воспринимаются как значимые и сигнализируют адресату о дополнительной смысловой нагрузке. Кроме того, играют роль и другие факторы, такие как ситуация общения и личностные характеристики собеседников. Все эти факторы в совокупности определяют «действенность иронии»; при нарушении взаимодействия смысловой системы дискурса с коммуникативной ситуацией и сознанием коммуникантов прагматика иронии остается нереализованной для реципиента [4].

Исследователи иронии используют термин *иронический дискурс*, который понимается как частотная речеактовая реализация иронии, коррелирующая со специфическими свойствами личности говорящего, а также *иронизирующая личность* [42]. Способность продуцировать и воспринимать иронические высказывания является присущей каждому человеку, но эта способность во многом зависит от образования, интеллектуального и культурного уровня.

Сторонники дискурсивного подхода к анализу иронии придерживаются мнения, что ирония создается в дискурсе усилиями двух сторон: говорящего и адресата. Адресат тоже участвует в создании иронии, которая рассматривается уже не как готовый инструмент, а как сложный коммуникативный процесс. Ирония возникает в результате взаимодействия всех сторон, участвующих в коммуникации, и представляет собой результат активных дискурсивных действий как со стороны говорящего, так и со стороны адресата, поскольку появление иронии в равной степени зависит и от интенции говорящего, и от интерпретации высказывания адресатом. В дискурс, как правило, включено несколько участников, и каждый адресат имеет свое понимание и отношение к тому, что высказано и что осталось за рамками: “Irony, then, will mean different things to the different players. From the point of view of the *interpreter*, irony is an interpretive and intentional move: it is the making or inferring of meaning in addition to and different from what is stated, together with an attitude toward both the said and the unsaid” [5. С. 11]. Ирония не может полноценно функционировать, цели говорящего не будут достигнуты, если по каким-то причинам собеседник не сумеет распознать и правильно интерпретировать адресованное ему высказывание.

Сторонники рассмотрения иронии как категории дискурса справедливо считают, что ирония в дискурсе не является готовым продуктом и не может быть использована повторно [42; 43]. Она создается в процессе коммуникации усилиями двух сторон: говорящего и адресата. В ироническом общении адресат занимает активную позицию, так как создание и понимание иронии обеспечивается как говорящим, так и слушающим, точнее их взаимодействием. Адресатом иронии может быть не отдельный слушающий, а целая аудитория. В таком случае специфика создания средств комического эффекта обусловлена авторской установкой, учитывающей особенности восприятия комического целевой аудиторией. Целевая аудитория, как адресат иронии, должна быть подготовлена к принятию и обработке иронического высказывания. Для того чтобы ироническое общение состоялось, должны быть выбраны адекватные языковые средства и иронические механизмы.

Существует ряд факторов, которые имеют значение в процессе интерпретации иронии. Во-первых, ирония как категория дискурса реализуется только на фоне контекста (различают микроконтекст, макроконтекст и мегаконтекст [6]). Во-вторых, наблюдается неразрывная связь иронии как текстовой категории, которая реализуется лингвистическими средствами, с экстралингвистическими моментами (социальной позицией автора, его биографией, положением в обществе, этическими нормами, философско-политическими течениями эпохи), а также ориентированность иронии на характеристику внутреннего мира человека. Таким

образом, характер иронии зависит как от личности автора, уровня его образованности, социального статуса, политических убеждений, эстетических взглядов, так и от личности реципиента, его характера, уровня развития, настроения.

6. Выводы

Ирония — явление многообразное, имеющее разные формы выражения. С этой многоликостью связана сложность ее определения и интерпретации. Ее можно рассматривать вне науки — как настроение, мироощущение, вид искусства; иронию можно также толковать с точки зрения научного подхода — философского, исторического, эстетического; как категорию комического и как явление языка. Ирония связана с когнитивной базой человека, представляет собой компонент языковой картины мира.

Ирония в коммуникации может играть положительную и отрицательную роль. Обладая способностью делить аудиторию на «своих» и «чужих», т.е. ироников и «жертв», она имеет целью как сближение, так и отдаление коммуникантов. Таким образом, ирония либо гармонизирует межличностное общение, либо ухудшает его.

Ирония — категория дискурса, она не существует в отрыве от языка. Для успешности иронического акта необходимо учитывать как личность автора, так и адресата иронии. Также важен характер отношений между участниками коммуникации, степень их близости и другие факторы. Иронический речевой акт (успешный или неуспешный) является продуктом совместных усилий говорящего и слушающего. Без понимания со стороны адресата иронический речевой акт не может считаться успешным. Ирония как речевой жанр имеет качественно более сложную природу и соотносится с ситуацией, событием, текстом, оперирует определенным набором механизмов и соответствует коммуникативным намерениям автора.

Библиографический список

1. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика / сост., пер. с нем., вступ. ст. Ю.Н. Попова. В 2-х тт. М.: Искусство, 1983. Т. 1.
2. Yus F. Attaching Feelings and Emotions to Propositions. Some Insights on Irony and Internet Communication // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Vol. 22. No 1. P. 94—107.
3. Chambers R. Irony and the canon. *Profession*. (MLA). P. 18—24.
4. Храмченко Д.С. Ирония как средство активизации синергичных процессов прагма-семантической самоорганизации английского делового дискурса // *Вестник Самарского государственного университета* № 67, 2009. С. 175—180.
5. Hutcheon L. *Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony*. New York: Routledge, 2005.
6. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев: Наукова думка, 1989.
7. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: монография. Волгоград: Перемена, 2010.
8. Пивоев В.М. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск, 2000.
9. Brown R.L. The pragmatics of Verbal Irony. *Language Use and the uses of Language*. Washington, 1980. P. 111—127.
10. Fraser B. The domain of Pragmatics. *Language and Communication*. London: Longman, 1983. P. 29—59.

11. *Leech G.N.* Principles of pragmatics. L.; N.Y.: Longman, 1983.
12. *Giora R.* Irony and its discontent. Utrecht publications in general and comparative literature. Vol. 35. John Benjamins publishing company. Amsterdam/ Philadelphia, 2001. P. 165—185.
13. *Ермакова О.П.* Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга, КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005.
14. *Пигулевский В.О.* Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. Научное издание. Ростов-на-Дону: Изд-во «Фолиант», 2002.
15. *Исаева В.И.* Античная Греция в зеркале риторики и Сократ. М.: Наука; Изд. фирма «Восточная литература», 1994.
16. *Лосев А.Ф.* Ирония античная и романтическая // Эстетика и искусство. М., 1966. С. 54—84.
17. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон. М., 1969.
18. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995.
19. *Шестаков В.П.* Эстетические категории. Опыт систематического и исторического исследования. М.: Искусство, 1983.
20. *Бергсон А.* Два источника морали и религии / пер. с фр., послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1994.
21. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
22. *Борев Ю.Б.* Эстетика. М.: Политиздат, 1969.
23. *Борев Ю.Б.* Комическое. М., 1970.
24. *Паси И.* Ирония как эстетическая категория // сб. Марксистско-ленинская эстетика в борьбе за прогрессивное искусство. М., 1980. С. 60—84.
25. *Пропп В.Я.* Проблема комизма и смеха. СПб., 1997. Режим доступа: http://librus4.ilive.ro/vladimir_proppp_problemi_komizma_i_smeha_23909.html (дата обращения: 25.05.2019).
26. *Поспелов Г.Н.* Теория литературы. М., 1978.
27. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973.
28. *Золотухина-Аболина Е.В.* Курс лекций по этике. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
29. *Dunel M.* (2017) The Irony of Irony: Irony Based on Truthfulness January 2017. Режим доступа: <https://www.researchgate.net>. DOI: 10.1007/s41701-016-0003-6 (дата обращения: 25.05.2019).
30. *Дземидок Б.* О комическом. М.: Прогресс, 1974.
31. *Attardo S.* Irony as a Relevant Inappropriateness // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader. Ed. By H.L. Colston and R.W. Gibbs. New York, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. P. 135—172.
32. *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному. М., 2006.
33. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
34. *Столович Л.Н.* Философия. Эстетика. Смех. СПб.—Тарту: Крипта, 1999.
35. *Eco U.* The Limits of Interpretation, Bloomington: Indiana University Press, 1990.
36. *Хайрутдинова Г.А.* Морфологические средства создания комизма // Русская и сопоставительная филология: сист.-функцион. аспект. Казань, 2003. С. 135—139.
37. *Скребнев Ю.М.* Функциональный аспект лингвистики текста // Лингвистика текста. М., 1974. Т. 1.
38. *Скребнев Ю.М.* Ирония // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997. С. 159.
39. *Шилихина К.М.* Современные теории вербальной иронии: основные проблемы. Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 6. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 24—32.
40. *Alba-Juez L.* Irony as inferred contradiction // Russian Journal of Linguistics. 2014. no 4. P. 139—152.
41. *Шаронов И.А.* Приемы речевой агрессии: насмешка и ирония // Агрессия в языке и речи: Сб. научных статей / под ред. И.А. Шаронова. М.: РГГУ, 2004. С. 38—53.
42. *Горностаева А.А.* Ирония как компонент английского стиля коммуникации: монография. М.: ИПЦ «Маска», 2013.
43. *Шилихина К.М.* Ирония в политическом диалоге // Политическая лингвистика. 2011. no 4(38). С. 177—182.

References

1. Shlegel', F. (1983). *Aesthetics. Philosophy. Critics*. F. Shlegel'. Sost., per. s nem., vstup. st. Yu.N. Popova (Ed., transl.). Vol. 2. Moscow: Iskusstvo. Vol. 1. (In Russ.).
2. Yus, F. (2018) Attaching Feelings and Emotions to Propositions. Some Insights on Irony and Internet Communication, *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 94—107.
3. Chambers, R. (1990) Irony and the canon. *Profession* (MLA). P. 18—24.
4. Khranchenko, D.S. (2009). Irony as a means of activating synergy processes of pragmatic semantic self-organization of English business discourse, *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 67, 175—180. (In Russ.).
5. Hutcheon, L. (2005) *Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony*. New York: Routledge.
6. Pokhodnya, S.I. (1989). Language means of irony realization. Kiev: Naukova dumka. (In Russ.).
7. Panchenko, N.N. (2010). *Dostovernost' kak kommunikativnaya kategoriya: monografiya [Credibility as a communicative category]*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
8. Pivoev V.M. (2000). *Ironiya kak fenomen kul'tury [Irony as a cultural phenomenon]*. Petrozavodsk. (In Russ.).
9. Ermakova O.P. (2005). *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka [Irony and its role in the life of language]*. Kaluga, KGPU im. K.E. Tsiolkovskogo. (In Russ.).
10. Pigulevskiy V.O. (2002). *Ironiya i vymysel: ot romantizma k postmodernizmu Nauchnoe izdanie [Irony and lies: from romanticism to postmodernism]*. Rostov-na-Donu: Izd-vo "Foliant". (In Russ.).
11. Isaeva V.I. (1994). *Antichnaya Gretsija v zerkale ritoriki i Sokrat [Ancient Greece in the mirror of rhetoric and Socrates]*. M.: Nauka. Izd. Firma "Vostochnaya literatura". (In Russ.).
12. Losev A.F. (1996). *Ironiya antichnaya i romanticheskaya [Ancient and romantic irony]*. *Estetika i iskusstvo [Aesthetics and art]*. Moscow. P. 54—84. (In Russ.).
13. Losev A.F. (1969). *Istoriya antichnoy estetiki: Sofisty. Sokrat. Platon [The irony of ancient aesthetics: sophists. Socrates. Platon]*. Moscow. (In Russ.).
14. Losev A.F. (1995). *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo [The problem of the symbol and realistic art]*. M.: Iskusstvo. (In Russ.).
15. Shestakov V.P. (1983). *Esteticheskie kategorii. Opyt sistematicheskogo i istoricheskogo issledovaniya [Aesthetic categories. Historic and systematic approach]*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
16. Bergson A. (1994). *Dva istochnika morali i religii [Two sources of morals and religion]*. Per. s fr., posleslovie i primechaniya A.B. Gofmana. Moscow: Kanon. (In Russ.).
17. Bakhtin M.M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of word creation]*. Moscow: Iskusstvo.
18. Borev Yu.B. (1969). *Estetika [Aesthetics]*. Moscow: Politizdat. (In Russ.).
19. Borev Yu.B. (1970). *Komicheskoe [The comic]*. Moscow. (In Russ.).
20. Pasi I. (1980) *Ironiya kak esteticheskaya kategoriya [Irony as an aesthetic category]: sb. Marksistsko-leninskaya estetika v bor'be za progressivnoe iskusstvo [Marxist-Leninist aesthetics in the struggle for progressive art]*. Moscow. P. 60—84. (In Russ.).
21. Propp V.Ya. (1997). *Problema komizma i smekha {the problem of the comic and laughter}*. SPb. [http://librus4.ilive.ru/vladimir_propp_problemi_komizma_i_smekha_23909.html]. (In Russ.).
22. Pospelov G.N. (1978). *Teoriya literatury [Theory of literature]*. Moscow. (In Russ.).
23. Rubinshteyn S.L. (1973). *Problemy obshchey psikhologii [Problems of general psychology]*. Moscow. (In Russ.).
24. Zolotukhina-Abolina E.V. (1999). *Kurs lektsiy po etike [Course of lectures in ethics]*. Rostov-na-Donu: Feniks. (In Russ.).
25. Dzmidok B. (1974). *O komicheskom [On the comic]*. M.: Progress. (In Russ.).
26. Freyd Z. (2006). *Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu [The wit and its attitude to the subconscious]*. Moscow. (In Russ.).

27. Likhachev D.S. (1979). Poetika drevnerusskoy literatury [The poetry of ancient Russian literature]. Moscow. (In Russ.).
28. Stolovich L.N. (1999). Filosofiya. Estetika. Smekh [Philosophy. Aesthetics. Laughter]. SPb—Tartu: Kripta. (In Russ.).
29. Khayrutdinova G.A. (2003). Morfologicheskie sredstva sozdaniya komizma [Morphological means of creating the comic]. *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: Sist.-funktsion. aspekt*. [Russian and comparative philology: functional aspect]. Kazan'. P. 135—139. (In Russ.).
30. Skrebnev Yu.M. (1974). Funktsional'nyy aspekt lingvistiki teksta [Functional aspect of text linguistics]. *Lingvistika teksta* [Text linguistics]. Moscow. Vol. 1. (In Russ.).
31. Skrebnev Yu.M. (1997). Ironiya [Irony]. *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [the Russian language: Encyclopedia]. Moscow. P. 159. (In Russ.).
32. Shilikhina K.M. (2008). Sovremennye teorii verbal'noy ironii: osnovnye problemy. [Modern theories of verbal irony: general questions]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, communication and social environment]. Issue 6. Voronezh: VGU. P. 24—32. (In Russ.).
33. Sharonov I.A. (2004). Priemy rechevoy agressii: nasmeshka i ironiya [Strategies of speech aggression: scorn and irony]. *Agressiya v yazyke i rechi. Sbornik nauchnykh statey* [Aggression in speech and language]. Ed. by I.A. Sharonova. Moscow: RGGU. P. 38—53. (In Russ.).
34. Gornostaeva A.A. (2013). Ironiya kak komponent angliyskogo stilya kommunikatsii [Irony as a component of English communicative style]. Monografiya. Moscow: IPTs “Maska”. (In Russ.).
35. Shilikhina K.M. (2011). Ironiya v politicheskom dialoge [Irony in political dialogue]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], No 4(38). P. 177—182(In Russ.).

Сведения об авторе:

Горностаева Анна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводческого и педагогического мастерства института непрерывного образования Московского государственного лингвистического университета. *Научные интересы:* ирония, политический дискурс, межкультурная коммуникация, этностилистика, лингвопрагматика; *e-mail:* anngornostaeva@yandex.ru

Information about the author:

Anna A. Gornostaeva, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Translation and Pedagogical Excellence, Institute of Continuing Education, Moscow State Linguistic University. *Research interests:* irony, political discourse, intercultural communication, ethnic studies, linguo-pragmatics; *e-mail:* anngornostaeva@yandex.ru